

ЧЕЛОВЕК

Никита Чернов

12+

Никита Чернов

Человек

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Чернов Н.

Человек / Н. Чернов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Человек. Он ещё не занял своего место на троне и не отобрал власть. Кто он и во что верит? На что он способен один на один с Высшей силой – Природой и самой Смертью? Способен ли человек пройти проверку на прочность?

Содержание

Глава первая	6
1	6
2	7
Глава вторая	8
1	8
2	9
3	10
4	11
5	12
6	14
7	15
8	16
9	17
10	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Человек. Он ещё не занял своего места на троне и не отобрал власть. Кто он и во что верит? На что он способен один на один с Высшей силой – Природой и самой Смертью? Способен ли человек пройти проверку на прочность?

«Времена не выбирают, в них живут и умирают...»

А.С. Кушнер

Глава первая

1

Лучи солнца пробивались сквозь слегка мутное небо и отражались яркими вспышкам от влаги на траве и на листьях деревьев – будто на растениях рассыпаны груды изумрудов. А реки и крошечные озёра превращались в огромные зеркала, сотворённые неведомой рукой. Воздух дурманил своим богатством запахов: трав и цветений; а легкое дуновение ветерка крало сознание и, будто заботливая и нежная мать, укладывало в зелёную колыбель. Мощные потоки воздуха подхватывали летящие семена-пушинки одуванчика и, закручивая их подобно зонтам, отправляли в воздушный вальс. Их шаг был так же невесом, как и они, а движения – изящны, как полёт капли дождя. Каждая частица этого мира была связана в густую паутину – дотронься до одной, и вся бесконечная сеть задрожит.

Молодой оленёнок опустил голову и, откусив листочек клевера, тут же поднял её, боясь потерять мать.

– Ы-ы, – протянул оленёнок, пытаясь привлечь внимание матери, что щипала траву рядом.

Материнские инстинкты мгновенно отреагировали. Её глаза с ужасающей скоростью переместились к месту, откуда донёсся крик её дитя. Всё тело перешло в напряжение, готовясь к броску, чтобы закрыть собственным телом бесценное сокровище, драгоценность, в которой была вся суть её жизни.

Но ничего страшного не случилось: лишь маленький напуганный оленёнок. Мать в пару широких шагов преодолела расстояние между ними и лизнула оленёнка в нос. Он ощутил материнскую заботу и страх ушёл, но тут же пришёл голод – детёныш жадно присосался к материнскому вымени, потягивая жирное питательное молоко, наполняясь жизнью.

2

Небо пропиталось серыми и чёрными красками. Всё пространство заполнилось вибрацией и напряжением. Пронеслась первая капля дождя, за ней вторая и нескончаемые тысячи. Воздух напоился запахом мокрой почвы, прелых листьев и травы.

Незаметно пространство забило жужжание и свист. Каждая частичка хрупкой вселенной задрожала. Мир будто издал едва уловимый, больше похожий на шёпот, бессильный вопль.

В следующую секунду раздался молниеносный, еле различимый, звук удара, а после что-то глухо упало. Теперь воздух наполнил острый запах крови и страха.

Олениха лизнула теплым языком бездыханное тело оленёнка, но дитя не пошевелилось. В сантиметре над ухом животного раздался ещё один щелчок и в следующий миг нежную кожу оленёнка пробил острее, пробираясь сквозь рёбра и заканчивая свой путь в лёгких, выбивая из них оставшийся кислород. Животное отскочило и в панике понеслось прочь, утопая в какофонии звуков: летящих стрел и камней, криков и лязга стали, топота и ржания коней.

Глава вторая

1

Сотни лошадиных ног несли своих седоков вперёд, врываясь сквозь лес в травяное море, где уже тонули сотни воинов, где холодная сталь становилась раскалённой докрасна. Тела коней шли сквозь волны людей и, будто корабли, разбивали их. А копья и мечи всадников, будто вёсла, толкали эти живые драккары вперёд.

– А-р! – кричал всадник, наклоня вниз тяжёлое копьё. Конь несся вперёд, заставляя подпрыгивать в седле своего седока в белом сюрко и цилиндрическом шлеме, узкие смотровые щели которого превращали поле боя в жутко смазанную картину, а бесконечный ливень, будто кисточками, разбрызгивал краску по полотну. Куски мокрой земли и глины вылетали из-под мощных ударов копыт. Копьё, вдруг ставшее тяжелее самой земной тверди, едва поднималось в ударную позицию. В смотровых щелях уже появились всадники в белом, стремительно обгонявшие воина справа и слева, а между ними, как свечи во тьме, чёрные всадники, почти слившиеся в мутные пятна.

Чёрный силуэт рывками преодолевал расстояние между ним и белым воином, оказываясь в новом месте с каждым взмахом век. Круглый щит крепко прижат к левому плечу, а копьё уже порхает на уровне груди врага. Возможно, последний вдох. Почти неожиданная вибрирующая отдача копья в руку, а за ней столь же стремительный выстрел боли, прошедший через всю руку до плеча. Кони врезались друг в друга; копьё чёрного всадника переломилось, но он этого уже не слышал. Жеребец нёс его тело прочь от поля битвы, от безумия и проливающейся крови, пробиваясь через людей и заросли тимофеевки.

2

Нервные импульсы ещё не успели пробиться через завесу болевого шока в его солнечном сплетении, но тело чувствовало, как его вырывает из седла, ступни легко выскользывают из стремян и как после оно описывает в пространстве дугу: шея и черная грива коня, враги и союзники, рвущие друг друга, чёрное, будто сажа, небо, прорывающийся в смотровые щели ливень, заливающий глаза, макушки берёз – всё это превратилось в одну смазанную вертикальную панораму. Падение выбивает последний воздух из лёгких, тело наливается морозящим свинцом, а в глазах темнеет, но сознание прозрачно как никогда, и всадник успеваешь понять, что больше он не поднимется.

Удар в голову – кто-то споткнулся о всадника; разбитые рёбра придавили сердце – а вот кто-то наступил на его грудь. Больше его карие глаза с пышными ресницами не раскроются, очаровывая молодых дев, бегающих среди непроглядных зарослей ржи, таких же огненно-рыжих, как и их струящиеся кудрявые волосы.

3

Меч, ещё не знавший крови, взорвал шею молодого воина, разрезав шарф, связанный любимой. Оторвался от плоти, будто испуганный пёс от кости. Заблокировал удар противника, разразившись скрежетом. Сверху-вниз рубанул по щиту, вырвав лишь клочок щепок. Взлетел в воздух, покинув руку мужчины, разрубленного двуручным собратом от плеча до бедра. Мечи вгрызались в плоть друг друга, будто бешенные гиены в борьбе за падаль, исполняя свой танец – танец существа, чей голод вряд ли возможно утолить.

4

Чёрная кавалерия шла сквозь белые ряды будто иглы сквозь шёлк. Белые пикинёры, как и собственная кавалерия, утонули, захлебнулись во вражьих рядах. Латники уже приняли удар. Строй нарушен, ряды разбиты. Чёрные волны заливают с головой. Хаос: кровь и визги, вопли и проклятия, призывы на помощь и выкрики приказов.

5

Тьма. Та тьма, что следует за человеком каждый раз, когда он закрывает глаза и сознание покидает его воспалённый разум, каждый раз, когда он окунается в сон или ещё совсем до рождения на свет. Эта тьма и ничего более не сопровождало пробуждение.

Перед глазами небесная гладь. Белоснежные облака, с нежным налётом розового заката, стройными рядами шли на восток. Мягкий прохладный ветер дует в лицо, вызывая невероятное наслаждение. В глаз ударил свет, за ним грохот, будто молота по наковальне – виски вспыхивают искрами, что раскалённое железо, и лишь сдавленный хрип вырывается из груди. Лёгкие пытаются насытиться воздухом, но вспыхивают огнём. Осторожно, маленькими глотками, будто горячий, ещё даже кипящий чай лёгкие втягивают воздух. Мысленный сигнал улетает в руку, но та непослушно и тяжело ползёт от торса к голове, как змея. Жуткая дрожь сотрясает пальцы. Они ложатся на холодный лоб и спускаются на правый глаз, освобождая от оков. На кожаной перчатке уже свернувшаяся кровь с грязью. С каждым глотком воздуха дышать всё легче, хоть боль и не уходит совсем – сознание проясняется. Мысли приняли подобие порядка.

Он приподнимается на локтях. Боль в легких всё ещё отдаётся по всему телу, сотрясая его дрожью. Ноги до пояса погребены под трупом лошади и совсем не слушаются. Но от беспомощных конечностей его отвлекает резкий крик боли, ужаса и страха. Слух практически мгновенно наводит зрение на источник звука.

Чёрный всадник навис над воином в когда-то белом сюрко, теперь же едва ли отличавшемся от цвета формы всадника. Выгнувшееся тело воина в предсмертных конвульсиях и нагитана всадника напоминали мост и его опору. Конник вырвал копьё, а вместе с ним и последний вздох мужчины.

Взгляд всадника встретился с незванным наблюдателем.

«Бежать», – просияла молнией мысль в голове человека.

Между ним и всадником была добрая сотня метров, усеянная плодами недавней битвы. Опыт подсказывал всаднику – и не пытаться преодолеть полосу препятствий. Он отвёл руку назад, подбросил нагитану вертикально...

Изображая морского льва, человек попытался вырваться из оков, вытягивая ноги из плена собственного скакуна. Не без труда конечности вырвались из-под туши и сработали как пружина, круто выстрелив тело человека вперёд. Руки оказались под пахом, сложившись вдоль, а голова в каше из одуванчиков и земли.

Притяжение земли отправило обратно в руку оружие всадника. Лицо исказилось гримасой злобы, желанием прикончить врага. Губы распахнулись и растянулись, раскрывая желтоватые зубы. Воздух вырвался из груди, а вместе с ним нагитана по навесной траектории.

Голова шлёпнулась о грязь и боль снова рванула нервы, смешиваясь со страхом и адреналином, вкачивающемся в сосуды в немыслимых количествах. Человек вскочил и рванулся вперёд, едва переставляя затёкшие ноги, не успевающие за желаемым ритмом.

Именно в такие моменты время будто растягивается, становясь невероятно эластичным, как патока. Поток мыслей становится фантастически чистым, как озёрная гладь, глаза замечают летящую мушку, взмах крыла воробья, не говоря уже о летящей нагитане. Несбалансированное для полётов копьё шлёпнулось о спину мёртвого воина, отскочив от его панциря.

– Асрим, – проорал всадник, обратив разъярённые глаза на лучника в очернённой кольчуге, стянутой ремнём на поясе, – убей!

Наученные опытом, глаза лучника мгновенно вырвали серую цель на фоне деревьев – всё ещё в зоне поражения, но отдаляющуюся с каждой секундой. Спешно правая рука дёрнулась за спину, левая уже готовила добротный длинный ясеневый лук. Тетива натянула плечи; стрела ушла в полёт по дуге, поигрывая искрящимися солнечными зайчиками на наконечнике.

Легкие пылают жаром, вытягивая кислород из пространства, ноги выдирают землю и траву, отправляя ошметки в спину, до леса остаются считанные метры. Вот он – шанс! Ещё немного и появится шанс на спасение. Дыхание выталкивает и всасывает воздух, локти летят то вперёд, то назад.

Острая боль пробивает правое бедро несколькими сантиметрами выше колена. Сдавленный вскрик вырывается из груди человека. Разум пуст, он ждёт исхода. Нога сгибается под неестественным углом, но равновесие удаётся сохранить – он падает на правое колено, спина согнута, опирается на руки.

На какие-то мгновения, где-то в затаённых уголках черепной коробки пролетает мысль об остановке. Сдаться. Перестать бежать, задыхаться и терпеть боль. Но этот миг сменяется стремительным уколом страха смерти, желания жить. Безумным страхом, от которого хочется спрятаться в теплых объятиях матери и плакать – нет, даже рыдать от бессилия. И грязный честный стыд.

– Взять его! – орал всадник за спиной человека.

Прерывистое дыхание. Бесконечная и влекущая мгла между ветвей необычайно высоких елей, уходящих в серо-синее небо. Человек поднялся, борясь с болью в ноге, подкашивающей, пульсирующей во всё тело. Первый шаг и он чуть не упал, шаг правой ноги, похожий скорее на бросок чего-то чужеродного прочь, лишь бы не касаться. Левая-права, левая-правая. И вот он уже входит в лесную свежесть, охватывающую его со всех сторон, хлестающую холодным воздухом по щекам. Врывается меж еловых ветвей и иголок, затягиваемый в лесную глубь невидимой щупальцей. Гонимый смертью.

6

– Больше глотку драл, етот ублюдок, – проворчал косматый чёрный воин, водя большим пальцем по лезвию боевого топорика, с вьезшейся в топориче кровью, и вглядываясь в плотную хвойную чашу, – Где мы его ыскать должны тперь? Ну, Асгрим, он точно сюда бжал?

Лучник ответил раздражённым вздохом и продолжил вглядываться в мох и хвойный ковёр, в поисках следов. И да, след был, отменный след – неестественные колеи в еловых хвойниках, ведь правую ногу беглец считай тащит, волочит бесполезным грузом; выше на ветвях самой ели едва заметная кровь, уже успевшая принять ржавый цвет. Лучник пошёл по хвойному оттиску на северо-запад, ведя с собой четверых щитоносцев в таких же очернённых кольчугах. Временами след терялся на пустынном холмике, а где-то уходил в мховый ковёр. А время безжалостно улетало, приводя закат под ручку с тьмой, накрывающей густой лес. Осенний вечер делал воздух меж деревьев ещё прохладнее, освежая тело. Становилось по-осеннему тихо. Лес замолкал, скрывая свои тайны.

Бригада вышла к бурной узенькой реке, пришедшей сюда явно с близлежащих гор. Ещё разгорячённая память отлично помнила и при каждом удобном случае напоминала запахи битвы, особенно выделяющиеся спустя некоторое время, но свежесть чистой горной реки расслабляла нервы, нежно проходясь пальчиками по каждому сплетению.

– Ну, нет, к бесу етого козла! Пущай чмокнет в зад хёвдинга! Мы не собираемся скакать в етой темени за беляком, он уже реку перешёл, где его тперь искать? Сам сдохнет, – возник тот же косматый воин, обращаясь к лучнику и собратьям по оружию; смачно сплюнул и вывел ультиматум, – Как желаешь, следопыт, а мы с ребятами воротаемся, яки совсем месяц не забелел.

«Нет, в темноте его уже не выследишь. И верно, один беглый латник со стрелой в ноге не протянет и двух дней в лесу, – думал лучник, вглядываясь в пульсирующую лунным светом черноту меж елей и сосен на противоположном берегу, буквально всасывающую взор наблюдателя, в изрядно посеревшее золото берегового песка.»

– Да, уходим, – наконец, сухо ответил щитоносцам лучник, уже повернувший туловище обратно, но ещё наблюдающий за противоположным берегом – вслушивался и пытался выцепить острым взором хоть что-то.

7

Каждый шаг отдавался выстрелом изводящей и пульсирующей боли. Человек уже давно перешёл на шустрый шаг, но и это уже не помогало, каждое движение по перерытой корнями земле отдавалось истинной мукой. А вдруг усилившееся давление немногочисленного доспеха он ощущал всем телом. Слюна во рту отдавала металлическим привкусом, неприятно вязала, а глотание оной ещё больше возбуждало дикую жажду.

Он прислушался к окружающим звукам – тихо, ничего. Но так могло быть и потому, что его собственное дыхание заглушало всё вокруг. Согнулся в поясе, опёршись на здоровую ногу. Огляделся: бескрайние беспорядочные ряды сосен, уходящих в космическую даль неба и захватывающих дыхание от своего величия, редкие, но пышущие тёмно-зелёной силой ели, в которые так и хочется нырнуть, почувствовать их объём и чарующий хвойный аромат, а меж этих древ гулял бодрящий едва уловимый ветерок – дыхание леса. Ноги сами собой подкосились, и он припал спиной к сосне, глухо стукнувшись панцирем о ствол. Глаза закрылись. Человека сотрясало мелкой дрожью. Даже доспех, казалось, пылал от жара тела, а сотни метров бегом отдались втрое. Как же хотелось закрыть глаза и не открывать их, пока утренние лучи, заботливо и ласково касаясь глаз, не разбудят.

Он сплюнул густую слюну и стянул кожаные перчатки. *Вдохнул-выдохнул* и разодрал пропитанную кровью штанину чуть выше колена, где как раз торчало уже почерневшее листовидное остриё стрелы. А под штаниной его взору предстала рваная рана и русла кровавых рек, которые не пересыхали. Он оскалил верхние зубы, зажав между челюстями нижнюю губу, и поднял лицо к ещё безлунному сумраку неба, ища хоть какой-то помощи в этом безумии или сил, чтобы пережить нелёгкую судьбу, извернуться от колеса Злодейки...

Снова *вдохнул-выдохнул*, схватился за древко снизу и протолкнул стрелу до середины, окропив кулак кровью и рыча сквозь стиснутые до боли зубы. Опёрся на руки, вскинув лицо к темнеющему небу. Повторил ритуал дыхания и схватился за стрелу на этот раз обеими руками. *Вдохнул-выдохнул* и обломил оба конца стрелы, дав вырваться новыми потокам крови...

– А-а! – боль ослепила и окатила тело волной от кончиков пальцев ног до темечка.

«О, Боги... – кристаллики пота легли на лоб, веки стиснуты, – Нет-нет, я не хочу умирать. Не сейчас. Нет. Нет. Я не могу. Не-ет... Боги нет. Как же больно!»

– Ох-х, нет... – Похолодевшими пальцами правой руки он взялся за шейную повязку, не обращая внимания на трение и неистовую дрожь в кистях, – стянул. Медленное, но оглушительное, будто гром, сердцебиение отдавалось ударами в ушах, сотрясая мозг и черепную коробку, прокатывалось по плоти всплесками тепла. Открытый рот мучительно втягивал воздух, а пальцы мотали краснеющую повязку вокруг бедра.

Слезы-близнецы вырвались сквозь зажатые веки, обжигая щеки, а пальцы завязали узел.

8

Быстро-быстро мелькающие серые кадры, будто картинки зоотропа. Пепельные волосы, собранные в добротный пучок вязаной лентой на затылке, концы которой лежали на сильных плечах. Лицо, посыпанное первыми мягкими морщинками старости. Будто вылинявшие голубые глаза и маленькие губки, сияющие в мягкой улыбке. И руки. Такие родные, крепкие, но нежные руки матери, тянущиеся к нему. И беззвучный, но ощущаемый крик, сорвавшийся с губ дитя, нещадно удаляющегося от матери.

9

Треск веток, прокатившийся с невообразимой громкостью, вырвал его из чуткого и невольного забытья, длившегося, судя по освещению, жалкие минуты. И тут же оно сменилось холодным страхом, смешанным с паникой.

Перевернувшись на колени, он припал к стволу, выглядывая из-за него. Практически не моргающие глаза, смотрящие в некуда; чувства, ушедшие в слух. И надежда, что треск не повторится. Но мерный, ровный треск снова прогремел меж деревьев и повторился ещё дважды, прежде чем человек сорвался с места, схватившись за ветвь ели и перекрасив её, гонимый ужасом.

Он летел меж деревьев, избегая на холмики, спотыкаясь и снова вставая. Ковылял, переводя дыхание. Лёгкие будто превратились в маятник с широким ходом. Падал, не замечая корней. А когда лунный свет прорвал пелену пепельных туч, понял, что вышел к реке. Грудь сотрясалась от одышки, а тело горело, обливаясь липким, смердящим потом. Полуприсев, как паук, он спустился с земляного вала на берег, тишину которого прорывал лишь шум воды. Медленно, вырывая ноги из рыхлого песка, прошел к воде. Очень шумная, явно достаточно бурная река, в скверно прорисованных месяцем очертаниях. Доверия источник не вызывал, несмотря на близость противоположного берега – не больше десяти метров, подсказывали глаза. И вот опять. Сначала стрела, после погоня, теперь же мутная река – молот всё ближе к наковальне и не ясно, когда он упадёт, точно сокрушив вдребезги.

«В обход и по краю воды, не заметят, – думал человек, полусогнувшись и приложив ладонь к ране».

– У-хух! – kloкочущая прибрежная тишина разорвалась совиным вскриком.

Не замечая, что делают собственные ноги, не замечая прошедший мороз по всей поверхности кожи и вставшие дыбом волосы по всему телу, человек устремился в воду, орошая поднимаемыми брызгами грязное сюрко. И лишь холодная вода бурлящей реки остудила рассудок и разгорячённое тело.

Стоя по колено в воде, человек повернул голову и увидел сову. Огромную, сияющую лунной белизной сову, ловко переступающую с ноги на ногу по березовой ветви. Было в этой немаленькой птице что-то успокаивающее, что-то говорило будто о понимании всего происходящего. Редко мерцающие глаза были обращены к нему. Дыхание человека выровнялось, а глаза и на мгновение не отрывались от великолепия совы. Птица смотрела на человека и редко щёлкала клювом. Напряжение на лице человека разгладилось в лёгкую и одурманенную улыбку. Всё вокруг стало будто светлее и ярче. Влага на прибрежной растительности заискрилась изумрудами. И человек пошёл. Пошёл к противоположному берегу, по начатому пути. Лишь на середине он осознал, что делает, разбуженный треском ветвей и бряцаньем висящего на ремнях оружия, и молнией устремился к суше, вырываясь из поднявшейся уже по пояс воды. Выйдя из реки, он рванул вверх по прибрежному валу, практически опустившись на четвереньки. Хватался руками за траву и корни, подтягивая себя вверх. А оказавшись на ровной поверхности, упал на колени и полез в яму под корнями громадной сосны, появившуюся от схода почвы. Ногами вперёд пролез в выемку и лёг животом на холодную почву. Слегка вытянул шею так, чтобы видеть противоположный берег, будучи прикрытым кустами и зарослями тысячелистника. Весь ушёл в слух и зрение. Но долго ждать и не пришлось. Промедли он последние несколько сотен метров и мог снова оказаться под прицелом лука или топора. Преследователи вышли на противоположный вал, не спускаясь на берег, освещённые луной. Пять воинов в чёрной кольчуге.

Шум реки глушил короткую беседу преследователей, поэтому человек слышал лишь отрывки.

– ...нет, к бесу...! Пушай чмокнет в зад... мы не собираемся... он... перешёл, где его теперь искать? – задал скорее риторический вопрос один из преследователей, явно обращаясь к выделившемуся лучнику и разводя направленными к другому берегу руками, будто показывая огромные просторы, где искать что-то равно поиску иглы в стогу сена; так хорошо сплюнул, что было слышно и затаившемуся за рекой человеку, – Как желаешь... мы с ребятами воротаемся... не забелел.

– ... уходим, – с явной неохотой ответил лучник спустя несколько секунд, повернулся к воинам, уже успевшим сделать пару шагов. Ещё мгновение постоял на месте, вглядываясь во тьму берега за рекой и не замечая сову, сидящую правее, усиленно следящую за незваными гостями.

Человек видел, как они уходят, но сердце всё ещё громом билось в груди, сотрясая мозг, а взор не отрывался от места их входа во мрак меж деревьев. Но лишь спустя долгие минуты вера в их уход взяла верх, оторвав взгляд от одной точки. Он громко выдохнул и сотрясся в рыдание. Всё его лежащее на земле тело дрожало от бессильных слёз, прорывающихся сквозь прижатые к глазам ладони. А когда пришло успокоение слёзы вокруг век уже пообсохли, а дыхание лишь слегка вздрагивало, но вместе с ним, как хищник из-за куста, навалилась слабость и утомление от погони длиною в часы. Дыхание окончательно выровнялось, в глазах застыла небесная высь, а тело медленно сползло под корни.

10

Разбудил его незванный гость – жук-носорог, настойчиво ползший вверх по руке. Полубессознательно другой рукой он скинул жука и обеими стал растирать ещё слипающиеся глаза. После, покинув мрачную нору, он оказался под ярким осенним солнцем, весящим высоко в зените среди чистого неба. Глубоко *вдохнул-выдохнул* и попытался встать, держась за ствол сосны. Каждая мышца правой ноги напряглась от неожиданной нагрузки, частота дыхания возросла и, скрипя зубами, он вытянулся, но тут же выстрел боли повалил его на ладони. Колени больно ударились о корни и если бы не наколенники, то он бы их здорово разбил. И не пытаясь встать, морским котиком он пополз к берегу реки, а после пауком по валу и уже на четвереньках по песку дошёл до воды.

В сияющей зеркальной поверхности реки человеку предстало лицо, которое он с трудом узнал: квадратная голова с маленькими ушами, коронованная грязной и окровавленной кудрявой рыжей шевелюрой, со склеившимися от крови прядками, и такой же бородой, и лицом; кожа рассечена чуть выше лба, но рана уже успела запечататься, на шее застыли некогда капельки крови и грязь, от белого цвета в сюрко не осталось ничего и лишь панцирь, и наручи сияли в речном зеркале. И глаза. Огромные зелёные глаза, меж рыжих ресниц. Прильнул к речной глади и стал жадно, и даже немного остервенело, всасывать через губную трубочку холодную воду, пока от чрезмерного количества выпитого ему не стало тошно. *Вдохнул-выдохнул* и, часто-часто дыша из-за горной ледяной воды, принялся отмывать руки, лицо и шевелюру, оставляя в воде поток грязи и крови. Закончив с водой, снял вчерашнюю повязку и, сидя в лучах рассвета и лёгком тумане, ему предстала удручающая картина: рана опухла и покраснела, охватив часть торчащей наружу стрелы, крови же почти не было.

Он уже предвкушал, каково будет вытаскивать оставшуюся в его плоти часть древка. Но отлично понимал, что и оставлять этот чёртов кусок дерева в собственном теле уже больше нельзя. А на каком-то уровне сознания догадывался и понимал, что уже, возможно, даже поздно.

Достав из поножей спрятанный кинжал из обычной, ничем не украшенной, но остро заточенной, как бритва, стали и рукоятью из дерева, повторяющую форму его сжатой ладони, он изрезал сюрко на ленты, насколько было возможно одинаковой ширины. Закончив с подготовкой, взялся за наружную часть древка и потянул. Тело прошибло жгучей болью и жаром, а в глазах засияли звёзды. Сознание будто покидало тело. Руки, правая нога, растянутая на песке, река и лес, видимые боковым зрением – всё это будто становилось дальше, отдалялось и размывалось. А сознание всё глубже уходило в черепную коробку. Как бы позже он не силился, но не мог вспомнить как оказался на животе, с раскрытым ртом, из которого сочилась мерзко пахнущая жижа. Теперь же тело пробивало в озноб, а древко не вышло на сколь-нибудь значимую длину. Дрожащими пальцами, выбивающими какой-то нечеловеческий ритм на невидимой лютне, он взялся за кинжал, обхватил древко лезвием с одной стороны, большим пальцем с другой, и со всей силы потянул.

Ничем не закупоренная рана снова закровоточила, а шок и боль сокрушали сознание пульсирующими ударами грома. Мертвецки похолодевшими, но, на удивление, спокойными пальцами, он успел перевязать рану прежде чем солнце стало единственным светлым пятном в мерцающей тьме, которое всё же нещадно темнело, выравниваясь в общий тон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.